

Долганова И. Дядя Ваня напомнил о неминуемой расплате / Инга Долганова
// Вечерний Харьков. – 2020. – 4 октября.

«ДЯДЯ ВАНЯ» НАПОМНИЛ О НЕМИНУЕМОЙ РАСПЛАТЕ

Как бы пытаясь наверстать упущенное за время карантина, харьковские театры начали новый сезон очень интенсивно. Так, шевченковцы, совсем недавно выпустившие «Калигулу» в постановке Александра Ковшуна, успели подготовить еще одну премьеру – чеховского «Дядю Ваню» в версии Степана Пасичника.

Едва войдя в зал и бросив беглый взгляд на сцену, на хаотическое нагромождение распиленных бревен – невольно ловишь себя на мысли: сюда снесли все, что осталось от когда-то прекрасного, во всей губернии почитаемого вишневого сада. Вот так, сразу, с помощью сценографа Татьяны Медвидь, режиссер заявляет о внутреннем родстве «Дяди Вани» с еще одной знаменитой чеховской пьесой. Хотя «Вишневый сад» хронологически был написан позже, Степан Пасичник рассматривает события «Дяди Вани» как результат того, что случилось после продажи имения Раневской.

БУДУТ НЕМИНУЕМО РАСПЯТЫ

В центре сцены – ступеньки, ведущие к остову двери: взгляд останавливается на крестообразной основе. И этот крест будто подсказывает, что чувства, надежды героев будут неминуемо распяты. Подобная метафора будет первой, но далеко не единственной – что вообще характерно для спектаклей Степана Пасичника. И эта метафора сразу перенаправит жанр от абстрактных «Сцен из деревенской жизни» в сторону обозначенной режиссером трагикомедии.

Действие предваряется необычным прологом. Из глубины сцены появляется женщина в траурной одежде (Наталия Головина) и запускает старинный проигрыватель. Сквозь треск старой пластинки прорывается голос: «Антон Павлович Чехов. “Дядя Ваня”...» Кто эта женщина, зачем пытается она оживить то, что ушло? Позднее станет ясно – это Вера Петровна, первая жена профессора Серебрякова, бывшая хозяйка усадьбы.

В спектакле Степана Пасичника это неуспокоенная душа, которая так и не смогла расстаться с домом-призраком, оставшись навеки привязанной к руинам чьих-то жизней. На протяжении действия она будет одиноко бродить, никем не замечаемая и никому не могущая помочь.

Апокалипсис здесь уже состоялся, это очевидно. Состоялся как-то незаметно и выжег души всех, невиновных и виноватых. Собственно, спектакль об этом – о неминуемой расплате. За несказанные слова, несовершенные действия, сломанные жизни, вырубленные сады. За то, что герои спектакля, как и те, кто из зала следит за их жизненными драмами, позволяли и позволяют делать с собой, ведя свой дом к неминуемому краху.

«ПРОПАЛА ЖИЗНЬ!»

Как нет «красивостей» в созданном сценографом интерьере, так и в героях спектакля Степана Пасичника нет деликатности и утонченности, тихого покорного согласия молча нести свой крест. Они будто открытые раны: только прикоснись – и начинают кровоточить.

Роман Жиров, актер большого эмоционального диапазона, буквально в каждой сцене с Иваном Петровичем Войницким дает ощутить неотвязную боль, мучающую его героя. «Пропала жизнь!» – это прорывается не только в крике, в немом отчаянье поз, жестов в одних эпизодах, но даже в сценах, где у героя появляется призрачная надежда на счастье, моментально сменяющаяся полной беспросветностью.

При виде застывшей, механически движущейся Елены Андреевны (Майя Струнникова) возникает впечатление, что она и на секунду боится отпустить себя. Иначе лопнет панцирь, в который себя заковала, и выплеснется болезненным воплем: «Скажи, чего ты хочешь от меня?!» Актриса настолько точно передает нюансы настроения своей героини, что в который раз отмечаешь силу и многогранность ее драматического таланта.

ГЕРОИ ОБРЕЧЕНЫ ПОТЕРЯТЬ ВСЕ

Совершенно по-новому заставил увидеть себя Дмитрий Петров. Он очень органичен в роли Астрова, ему все время удается удерживать

напряженное внимание зрителя, показывая, как из обычной увлеченности, флирта, рождается более глубокое чувство, не несущее ему ничего хорошего. Конечно, мы можем домысливать, что все-таки пишет Елена Андреевна Астрову. Запоздалое признание в любви, заставившее его сорваться с места и бежать вдогонку в напрасной попытке вернуть ушедшее? Или, возможно, свой новый адрес, что дает-таки хоть какую-то надежду, маленький шанс на счастье? Впрочем, общая атмосфера, томительная и безнадежная, подчеркнутая удачно выбранной диссонантной музыкой, практически не оставляет почвы для наималейшего ростка надежды...

По сути и остальные герои спектакля обречены потерять все. Кроме Серебрякова, ставшего причиной многих несчастий. Отставного профессора Владимир Маляр наделяет качествами сегодняшних «хозяев жизни». Он так же предприимчив, бесчувственен и так же готов продать все, что еще можно продать. В интерпретации актера Серебряков отнюдь не немощный раздраженный человек, страдающий от наступающей старости – это всего лишь часто используемая им маска. Истинное лицо его открывается, когда он с грохотом взгромождает кусок бревна на давно лишившийся настоящего голоса, используемый в качестве стола рояль. И с видом триумфатора взбирается на импровизированную трибуну. Это явно торжествующее зло настолько беззастенчиво и нагло, что, похоже, наказуемо именно «непротивление» ему.

А ЗА СПИНОЙ ТИХО СКОЛЬЗЯТ К НЕБУ ПНИ

Любитель финальных многоточий, Степан Пасечник на этот раз абсолютно конкретен. Когда Астров очертя голову кидается за отъезжающими Серебряковыми, Войницкий все-таки успевает дотянуться до заветного пузырька с морфием и выпить его. И «мы отдохнем» становится констатацией наступления вечного «отдыха».

Сквозь слезы боли и обиды прокричит застывшая под крестом Соня (Дарья Новикова) свой финальный монолог. Она пережила утрату любви – и осталась перед лицом наступающего зла совсем одна. А за ее спиной тихо

скользят к небу пни – то ли души срубленных деревьев, освобожденные страданиями вражеского людского племени, то ли символы навеки оборванных корней.

Спектакль сложный и неоднозначный. «Дядя Ваня» открывает новые грани в известной пьесе, активизирует ассоциативный ряд, подталкивает к осмыслению дня сегодняшнего. Для Степана Пасичника он, безусловно, стал серьезным высказыванием.